

Крылов Герман Леонидович

Магистр востоковедения и африканистики; выпускник, Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия

Адрес: 115035, г. Москва, ул. Пятницкая, д. 4/2, стр. 1

E-mail: german_krylov@mail.ru

Матта аль-Мискин и его богословское наследие в контексте новейшей истории Коптской церкви

Матта аль-Мискин занимает особое место в новейшей истории Коптской церкви. В контексте её современного богословия, до середины XX в. во многом имевшего учебно-дидактический характер, он создал самобытное учение, познакомив коптского читателя с идеями святых, канонизированных после отделения коптов от вселенского православия в 451 г. – Григория Двоеслова, Иоанна Дамаскина, Серафима Саровского и др. Впервые в Египте за многие века после святителей Афанасия и Кирилла Александрийских он заговорил об обожении человека, вызвав бурную критику со стороны патриарха Шенуды III. Аскет и отшельник, Матта аль-Мискин сыграл важную роль не только в возрождении духовной жизни, но и в налаживании хозяйственно-экономической деятельности пришедшего в упадок древнего нитрийского монастыря святого Макария. На рубеже 1970–1980 гг. духовный писатель, выступавший за чёткое отграничение церкви от государства, оказался в центре перипетий внутренней политики Египта, выступив в качестве посредника во время беспрецедентного кризиса в отношениях президента Анвара Садата и патриарха Шенуды III.

Церковное руководство, придерживавшееся коптской традиции, сформированной за века изоляции египетских христиан от вселенского православия, с непониманием отнеслось к новым старым идеям Матты аль-Мискина. Критическое отношение Шенуды III к Матте аль-Мискину трудно объяснить лишь богословскими разногласиями. Новый предстоятель Тавадрус II реабилитировал наследие Матты аль-Мискина, его стали изучать в коптских семинариях, отношения между патриархией и монастырём

святого Макария нормализовались. Недавнее шокирующее убийство его настоятеля и ученика Матты аль-Мискина епископа Епифания, много сделавшего для ознакомления не только египетской, но и международной аудитории с трудами своего учителя, заставило вспомнить о былых разногласиях, болезненное преломление которых, возможно, и привело к преступлению.

Ключевые слова: Матта аль-Мискин, копты, Египет, церковь.

Новость об убийстве наместника монастыря святого Макария епископа Епифания, найденного рано утром 29 июля мёртвым у выхода из своей кельи, потрясло всё коптское сообщество. В поисках виновных люди по привычке заговорили поначалу об исламских экстремистах, однако обстоятельства указывали на то, что убийца был по крайней мере вхож в монастырь и хорошо знаком с его распорядком дня. 68-летний епископ Епифаний, очевидно, вышел из кельи до рассвета, направляясь в храм на полунощницу. Ворота монастыря в этот ранний час были закрыты, богомольцев-паломников не было. Убийца явно не намеревался совершить резонансный кровавый теракт, как это обычно делают исламские радикалы, но очевидно его целью был именно епископ Епифаний, и только он один.

Террористическая версия отпала почти сразу. Вслед за убийством наместника монастыря было объявлено об извержении из монашества одного из насельников обители, при этом церковные источники отметили, что это решение никак не связано с преступлением, но вызвано серьёзными дисциплинарными нарушениями. Следователи опросили монахов, изучили записи камер видеонаблюдения, и в итоге 19 августа монаху-расстриге было предъявлено обвинение в совершении преднамеренного убийства. Другой насельник монастыря святого Макария был объявлен подозреваемым в соучастии в преступлении. На данный момент известно, что обвиняемый отрицает свою вину. Шестеро других насельников монастыря святого Макария решением Комитета по делам монашества и монастырей при Священном синоде Коптской ортодоксальной церкви были расселены по разным обителям в дисциплинарном порядке (Ali, Badr, 2018; Shukry, 2018). Однако решения суда пока нет, и до его вынесения необходимо воздерживаться от обвинений, соблюдая презумпцию невиновности.

Датский социолог Корнелис Хульсман, более четверти века проведший в Египте и даже живший долгое время в монастыре святого Макария в Нитрийской долине, размышляя о возможных причинах убийства, напомнил о разногласиях между покойным патриархом Шенудой III (ум. 2012) и бывшим духовником обители Маттой аль-Мискином (ум. 2006) (Hulsman, 2018). Дело в том, что покойный епископ был духовным сыном и учеником Матты аль-Мискина ещё в ту пору, когда в отношениях между монастырём святого Макария, руководимым Маттой аль-Мискином, и патриархией, возглавляемой папой Шенудой III, существовала напряжённость. С приходом нового патриарха – Тавадруса II обитель, ранее обвинявшаяся церковным руководством в еретических воззрениях, унаследованных от Матты

аль-Мискина, была реабилитирована. 93-летний митрополит Асьютский Михаил, наместник монастыря святого Макария, в 2013 г. направил прошение Тавадрусу II об освобождении его от наместничества ввиду преклонного возраста. Он также просил патриарха дать возможность монахам самим выбрать нового наместника из числа братии (*Yuhanna al-Maqari, 2018. P. 8*). Большинство голосов насельники отдали своему собрату Епифанию, Тавадрус II согласился утвердить его избрание и вскоре рукоположил его во епископа, управляющего не какой-либо епархией (как прежний наместник, возглавлявший также Асьютскую епархию), но только древним нитрийским монастырём святого Макария. Епископ Епифаний неоднократно участвовал в научных конференциях с докладами о наследии Матты аль-Мискина и много сделал для его популяризации не только в Египте, но и за его пределами. Между тем в памяти большинства египетских христиан ещё были живы обвинения Матты аль-Мискина в ересях, ещё недавно звучавшие из уст патриарха Шенуды III и единомышленных с ним авторитетных коптских теологов, и очевидно, что такая резкая перемена не могла не вызвать критического отношения со стороны многих верующих, усвоивших аргументацию прежнего предстоятеля. Не исключено, что болезненное преломление совсем недавнего острого теологического противостояния в чьём-то фанатичном сознании могло привести к преступлению. В любом случае в данных обстоятельствах рассмотрение роли Матты аль-Мискина в новейшей истории Египта и обстоятельств его конфликта с церковным руководством, прежде всего с патриархом Шенудой III, в этом контексте стало ещё более актуальным.

Напряжённость в отношениях между этими двумя религиозными деятелями существовала с 1960-х гг. Епископ, а впоследствии патриарх Шенуда III неоднократно публично обвинял Матту аль-Мискина в еретических воззрениях, последний не реагировал на предъявляемые ему заочно претензии и продолжал печатать свои произведения. Лишь однажды, в 1996 г., патриарх посетил монастырь Матты аль-Мискина и встретился с ним и братией, однако об обсуждении богословских вопросов в ходе того визита ничего не известно. Издания трудов Матты аль-Мискина, выполненные чаще всего в типографии монастыря святого Макария, были запрещены к продаже в церковных лавках обеих столиц Египта, однако, несмотря на это, пользовались большой популярностью не только внутри страны, но и за ее пределами, и не только среди коптов, но также представителей иных христианских конфессий.

Как и патриарх Шенуда III, Матта аль-Мискин принадлежит к поколению религиозных энтузиастов, выросших в недрах движения «Воскресные школы». Будучи ещё молодыми людьми, они к 1940-м гг. встали в авангарде коптского возрождения – религиозно-культурного явления в среде египетских христиан, основными чертами которого стал интерес к вероучительному наследию Коптской церкви, развитие религиозного образования и изучение коптской культуры. И Шенуда (имя при рождении – Назир Гейид), и Матта аль-Мискин приняли монашеский постриг, имея на руках университетские дипломы о высшем светском образовании. Однако первоначально единомышленники (Н. Гейид, будучи ещё мирянином и преподавателем в одной из воскресных школ, написал предисловие к первому изданию

первой книги Матты аль-Мискина «Жизнь правоверной молитвы»¹), Шенуда и Матта аль-Мискин впоследствии, не без влияния политических обстоятельств, оказались в явной оппозиции друг к другу, символически обозначив две основные тенденции в развитии Коптской церкви – бурное материально-организационное развитие (патриарх Шенуда III) и внимание ко взаимоотношению человеческой души с Богом (о. Матта аль-Мискин). Однако здесь важно оговориться, что деятельность обоих отнюдь не ограничивалась упомянутыми основными направлениями. Так, при Матте аль-Мискине происходит не только возрождение монашеской жизни в монастыре святого Макария в Нитрийской долине, но также создаётся крепкое хозяйство, ведутся активные строительно-реставрационные работы (*Abuna Matta al-Miskin, 2008. P. 238–306*). С другой стороны, патриарх Шенуда III, много сделавший для материально-организационного развития Коптской церкви, уделял большое внимание христианской проповеди покаяния (*Shenouda III, 2016*). Однако конфликт между ними всё же был налицо, и есть все основания согласиться с мнением датского специалиста по новейшей истории Коптской церкви Корнелиса Хульсмана о том, что он выходил за рамки теологических разногласий (*Hulsman, 2018*).

Высокий церковный авторитет Матты аль-Мискина вовлёк его в египетские внутривластные перипетии конца 1970-х – начала 1980-х гг. Готовя указ об отмене собственного декрета об утверждении Шенуды III патриархом в разгар кризиса отношений между египетским государством и Коптской церковью, президент Египта Анвар Садат в конце августа 1981 г. встречался с Маттой аль-Мискином, которому предлагал войти в число руководителей Коптской церкви, однако тот отверг это предложение (*Abuna Matta al-Miskin, 2008. P. 344, 347*). Матта аль-Мискин убедил президента отказаться от планов арестовать патриарха и предать его суду, объяснив каноническую значимость поста предстоятеля для египетских христиан. В качестве компромисса Матта аль-Мискин предложил Садату создать совет по управлению Коптской церковью в составе пяти ведущих архиепископов, имена которых сам же и назвал (*Abuna Matta al-Miskin, 2008. P. 346*). Содержания своих контактов с президентом Садатом Матта аль-Мискин не скрывал – напротив, он письменно проинформировал о нём епископа по делам высшего образования и научных исследований Григориуса (Григория) (*Abuna Matta al-Miskin, 2008. P. 346–347*), курировавшего административные вопросы в то время, когда патриарх удалился в пустынный монастырь святого Бишоя (Псоя). Тем не менее впоследствии в отношениях между патриархом и Маттой аль-Мискином преобладала напряжённость до самой кончины последнего в 2006 г. Примечательно, что, несмотря на высокий авторитет учителя из монастыря святого Макария не только среди христиан Египта, но и за его пределами, патриарх на похоронах Матты аль-Мискина не присутствовал.

В числе учеников Матты аль-Мискина был будущий наместник монастыря святого Макария епископ Епифаний. Как и учитель, он имел университетский диплом (в 1978 г. получил высшее медицинское образование). Принял монашеский постриг в 1984 г. в монастыре святого Макария, в 2002 г. рукоположен во священника, в марте 2013 г. избран игуменом

¹ В этой книге современный коптский читатель впервые смог познакомиться с высказываниями православных святых Григория Двоеслова, Иоанна Дамаскина и Серафима Саровского.

своей обители (*Victor, 2018*). Епископ Епифаний многое сделал для популяризации богословского наследия своего духовного отца. Когда новый патриарх Тавадрус II рукоположил его в епископа исключительно для этой обители, тем самым повысив статус монастыря святого Макария в Нитрийской долине, это было воспринято как окончательная реабилитация Матты аль-Мискина церковным руководством. Однако очевидно, что среди египетского монашества есть продолжатели, в том числе и весьма своеобразные, критической линии прежнего патриарха в отношении Матты аль-Мискина. Нельзя исключать, что духовный недуг некоторых из них в конце концов и привёл к покушению на жизнь ближайшего ученика Матты аль-Мискина. С уходом Матты аль-Мискина и Шенуды III богословская дискуссия прекратилась, однако сам факт несогласия между ними, порой доходившего до обвинений в ереси, остаётся и поныне в памяти всех коптов. На этом фоне неведение, граничащее с невежеством, вполне могло по-своему продолжить противостояние двух богословов, исказить его фанатизмом и слепой ненавистью и привести к преступлению, как это было во время народных бунтов в Египте после низложения Диоскора (V в.) с активным участием египетского монашества².

Автор этой статьи был в числе слушателей доклада епископа Епифания о Матте аль-Мискине на конференции «Копты в современном мире» в Мельбурне в середине июля 2018 года, всего за две недели до убийства. Трагедия в монастыре святого Макария сделала актуальным обращение к наследию Матты аль-Мискина, ознакомление с которым возможно широкой аудитории до последних дней жизни считал своим долгом епископ Епифаний. Настоящая статья является откликом на это печальное событие и попыткой понять суть разногласий между патриархом Шенудой III и Маттой аль-Мискином.

Сам епископ Епифаний выделял четыре основных направления деятельности Матты аль-Мискина, внёсших огромный вклад в становление и развитие современного коптского богословия. Во-первых, это собственно создание богословских трудов на арабском языке, бывших весьма малочисленными в середине XX в. В этой сфере Матту аль-Мискина отличало обращение к опыту неизвестных коптской традиции святых – Григория Двоеслова, Иоанна Дамаскина, Серафима Саровского. Во-вторых, епископ Епифаний указывал на возрождение монашеской жизни, повышение уровня религиозной культуры и образования насельников египетских монастырей, где значительную роль сыграл практический интерес Матты аль-Мискина к наследию египетских отцов-основателей монашества, таких как преподобные Антоний и Пахомий Великие. В-третьих, епископ Епифаний отмечал роль Матты аль-Мискина в развитии христианского богословия с характерным для него особым интересом к пневматологии. В-четвёртых, духовный сын Матты аль-Мискина указывал на его выдающуюся роль как проповедника христианского единства между халкидонскими и нехалкидонскими церквями. Епископ Епифаний отмечал наличие у Матты аль-Мискина видения конкретных шагов по его достижению, предполагающих синхронное снятие взаимных анафем, взаимное признание истинности учений по духу при различиях по букве и ведение диалога исключительно на основе разъяснения сути учений

² Во время одного из таких бунтов в Александрии в 457 г. был убит патриарх Протерий, причисленный церковью к мученическому лику.

там, где есть расхождения в формулировках, при исключении попыток изъятия каких-либо положений из учения церкви, с которой ведётся диалог, или добавления чего-либо в него (*Epiphanius, 2016*).

Родился Матта аль-Мискин (мирское имя – Юсеф Искандер) в 1919 г. В 1943 г. получил высшее светское образование по специальности «фармакология», работал в собственной аптеке в городе Даманхур. В 1948 г. познакомился с монахом Миной аль-Мутаваххидом (Миной-отшельником, будущим патриархом Кириллом VI) и прожил под его духовным руководством три месяца при церкви в Старом Каире, готовясь к монашескому постригу. Продав аптеку, раздал деньги нищим и ушёл в монастырь святого Самуила на юге Египта. Выбор обители был не случаен: она была известна своей бедностью и находилась в отдалённом районе. 10 августа 1948 г. пострижен в монахи. Суровые условия жизни в монастыре святого Самуила вскоре привели к ухудшению здоровья, вынудив Матту аль-Мискина в 1951 г. перейти в обитель Дейр ас-Сурьян в Нитрийской долине с лучшими бытовыми условиями. Однако и там молодой монах бежал от комфорта: он переселяется в пещеру, удалённую от монастыря. После двух лет отшельничества отцу Матте назначается ответственное послушание духовника обители Дейр ас-Сурьян (*Abuna Matta al-Miskin, 2008. P. 15–122*).

С период с 1954 по 1960 г. Матта аль-Мискин занимает различные церковные посты, чередуя их с периодами отшельничества. С 1954 по 1956 г. патриарх Йосаб II назначил Матту аль-Мискина своим представителем в Александрии. Вскоре патриарший представитель дал указание отменить плату за любые церковные требы, но при этом положить каждому церковнослужителю зарплату, что вызвало недовольство значительной группы духовенства, в конце концов вынудившее Матту аль-Мискина покинуть этот пост (причём большую роль в этом сыграл совет общины – Аль-Маджлис аль-Милли города Александрии). В 1960 г. за неповиновение Синоду патриарх Кирилл VI запрещает его в священнослужении и извергает из монашества. Примирение последовало почти через 10 лет, когда в 1969 г. патриарх Кирилл VI предложил Матте аль-Мискину с 12 учениками переселиться в монастырь святого Макария в Нитрийской долине, где монашеская жизнь находилась на грани исчезновения. Послушанием Матты аль-Мискина там стало не только возрождение монашества в обители, но также восстановление обветшавших монастырских строений и налаживание экономической деятельности (*Abuna Matta al-Miskin, 2008. P. 123–207*).

Однако материальная сторона, о которой неизбежно приходилось заботиться, никогда не становилась приоритетом для Матты аль-Мискина. На фоне современных ему деятелей Коптской церкви, усилиями которых укреплялось её материальное положение, Матта аль-Мискин выделялся подчёркнутым вниманием к духовной жизни. Задачей церкви он считал призыв грешников к покаянию, а подмену этого призыва другими вопросами в церковной проповеди – главной угрозой христианству.

«Самый опасный враг, угрожающий разложением христианства, это увлечение проповедников в Церкви темами, иными чем «греховность человека», оставление ими без внимания проповеди Христа ко грешникам, которая была Его первой и величайшей задачей, ради рассмотрения человека с точки зрения его общественной жизни. Это – не просто выход из христианства, это – противодействие ему» (*Matta al-Miskin, 2009. P. 9*).

Согласно Матте аль-Мискину, именно об этом говорит апостол Павел своему ученику Тимофею, прося его пребыть в Эфесе и увещевать некоторых, «чтобы они не учили иному» (1 Тим. 1, 3), но эта опасность грозит церкви и в наши дни.

«Однако и в наши дни христианство проходит через то же испытание, а Церковь подвергается тому же удару, ибо некоторые проповедники пытаются сейчас вывести христианство за пределы его темы из-за отсутствия у них силы проповедовать покаяние для обновления и спасения человека. Утрата, которую понесёт христианство от включения в проповедь новых тем, приведёт к угасанию светильника призыва к покаянию для спасения грешников, ещё освещающего Церковь и ежедневно присоединяющего к ней спасающихся. Против этого сражался апостол Павел и победил, а потом завещал своему ученику Тимофею, чтобы ради этого он воинствовал в Господе, и оставил это завещание Церкви в качестве вечного наследия» (*Matta al-Miskin, 2009. P. 10*).

«Христос никогда не заботился о том, как организовать жизнь грешника после покаяния, не издавал гражданских законов, не думал о том, как осчастливить принёсшего покаяние мирскими делами и радостями нынешнего века в качестве возмещения за его прошлые беды. Христос не обещал раскаявшимся грешникам благ этого мира, но утверждал сердце принёсшего покаяние в устремлении к благам Неба, предупреждал его, что путь туда узок и труден, что на нём обязательно встретятся унижения, злоба и гонения, не обещал ему никаких утешений на этом пути, кроме радости о том, что имя его вписано в книгу жизни» (*Matta al-Miskin, 2009. P. 12*).

Смысл христианства Матта аль-Мискин видит не в общественном служении, но в призыве людей к покаянию во Христе. «Смысл призыва Господа к служению бедным, отчаявшимся и нагим в том, чтобы через это на практическом уровне возвещать им о Личности Христа, так как Христос должен быть в центре любого делания в христианстве», – напоминает он в труде «Церковь и государство» (*Matta al-Miskin, 2009. P. 19*).

Вышесказанное объясняет скептическое отношение Матты аль-Мискина к концентрации церковных усилий на развитии организационной структуры и улучшении материального положения церкви, весьма характерной для патриаршества Шенуды III (1971–2012). С этим же связана и критика Маттой аль-Мискином заботы современных ему иерархов об укреплении роли церкви как общественного института, находящегося под защитой государства. Основа государственной власти – деньги и способность к принуждению, власть церкви – это её способность свидетельствовать об истине. Церковь, по мнению Матты аль-Мискина, не должна опираться на силу государственной власти, иначе она лишится помощи Святого Духа и не сможет свидетельствовать об истине (патриарх Кирилл VI, руководивший Коптской церковью во время написания книги «Церковь и государство», как раз уделял большое внимание поддержанию дружеских отношений с президентом Гамалем Абдель Насером, используя их и для укрепления положения церкви как института в структуре египетского общества).

«Христианское служение, осуществляемое в пределах его границ, не связано с рисками, и никто не может упрекнуть Церковь за него или оспорить её божественную власть. Однако социальное служение выходит за эти границы, оно заставляет конкурировать с правительством во всех областях. Так, социальное служение подразумевает социальную заботу о молодёжи и её воспитание, обучение рабочих, изучение условий их жизни и их нужд, заботу о малообеспеченных студентах, создание местных и общенациональных клубов и лагерей, организацию конференций по внутренним и внешним проблемам молодёжи, безработицы и бедности, создание приютов, больниц и благотворительных ассоциаций. Если учесть, что любой правящий режим имеет свой курс и определённый план социального развития для всех упомянутых групп, то очевидно, что для каждого из этих случаев церкви необходимо изучать систему государственной власти, чтобы социальный план Церкви не противоречил плану правительства. В противном случае столкновение Церкви и государства неизбежно» (*Matta al-Miskin, 2009. P. 24*).

«Сколько раз Церковь теряла свой путь и не оправдывала надежд Христа! Сколько раз она оставляла Его как Царя, чтобы в рабском унижении просить милости царей, не научившись у своего Царя, как взять Крест как царство, и даже больше чем царство – в качестве цены за Истину, и победить! (...) Начало ошибок Церкви было в те дни, когда она прибегла к покровительству императора Константина в IV в., чтобы защитить веру мечом, как власть первого Израиля, вместо любви, молитвы и Завета Христа. После этого был император Феодосий, который приказал военным разрушать языческие храмы, как в дни царей Древнего Израиля, вместо распространения благой вести о Христе и убеждения силой евангельского слова» (*Matta al-Miskin, 2009. P. 29–30*). По словам о. Матты, это ошибочное отношение к роли церкви распространено и в наши дни: «Некоторые до сих пор хранят образ мыслей Константина и ждут, что Церковь получит временные силу и власть и что если даже у неё не будет силы денег, человек и закона, то хотя бы другие сильные церкви заступятся за неё» (*Matta al-Miskin, 2009. P. 30*)³.

При этом Матта аль-Мискин подчёркивает, что он вовсе не призывает христиан выйти из мира. Он объясняет, что его слова о том, что церковь не должна опираться на временную власть (т. е. власть государства) и совмещать свою духовную власть с властью временной, касаются именно церкви, а не отдельного христианина, который, будучи человеком, не может жить вне власти временной, но, напротив, может быть «солдатом, министром или царём» (*Matta al-Miskin, 2009. P. 39*). Примечательно, что Промысел Божий поставил именно Матту аль-Мискина в качестве посредника между Коптской церковью и президентом Египта во время кризиса 1980–1981 гг. (*Abuna Matta al-Miskin, 2008. P. 336–347*), вызванного попустительством

³ Эти мысли Матты аль-Мискина, за исключением критики изменений в отношениях церкви и имперской власти в эпоху св. Константина, созвучны размышлениям А.С. Хомякова об отношениях между государством и церковью в свете современных ему попыток создания временных союзов между католиками и протестантами в Европе (*Khomyakov, 1886. P. 27–92*).

Садата исламским экстремистам, которое в итоге стоило жизни не только десяткам христиан, но и самому президенту. Так богослов, критически относившийся к пересечению деятельности церкви с политикой государства, стал автором конкретного плана действий по урегулированию коптской проблемы на государственном уровне, который сам же и передал президенту Садату лично во время встречи 21 апреля 1980 г. План предполагал формирование специальной коптской контактной группы, которая выносила бы на рассмотрение органов государственной власти возникающие проблемы и отслеживала их решение; создание смешанной парламентской комиссии в составе 10 депутатов-коптов и 10 депутатов-мусульман для реагирования на сигналы о нарушении прав граждан-христиан; обеспечение пропорционального представительства коптов в органах государственной власти и местного самоуправления; изучение христианства в рамках официальной школьной программы учениками-коптами и подготовку преподавательских кадров; передачу недвижимого имущества Коптской церкви из ведения министерства по делам вакуфов специальной коптской комиссии по управлению имуществом; обеспечение пропорционального поступления коптов в вузы и их дальнейшего пропорционального распределения для продолжения учёбы за рубежом; обеспечение равенства христиан при приёме на работу и назначении на руководящие должности в аппарате государственного управления и на госпредприятиях; пересмотр устаревших законодательных норм, противоречащих провозглашённым конституцией и международным законодательством принципам и свободам (*Abuna Matta al-Miskin, 2008. P. 348–349*).

Как уже отмечалось, проблемы Матты аль-Мискина со священноначалием начались ещё в период патриаршества Кирилла VI, его прежнего духовного отца. В 1960 г. Священный синод Коптской церкви постановил всем монахам, проживающим за пределами своих монастырей, вернуться в свои обители под страхом запрета в священнослужении и извержения из монашества. Матта аль-Мискин, проживавший вместе с учениками вне монастырских стен, вернулся в Дейр ас-Сурьян, однако покинул его вновь после конфликта с наместником и поселился в общине верующих (бейт ат-такрис, «дом посвящения») в каирском пригороде Хелуан. За этим последовал запрет Матты аль-Мискина в священнослужении, а попытки уговорить патриарха сделать исключение для своего бывшего духовного сына ни к чему не привели. В итоге Матта аль-Мискин вместе со своими учениками удалился в пустынную местность в районе Вади-Райан, где провёл девять лет до примирения с патриархом Кириллом VI в мае 1969 г. и принятия вместе с учениками в число братии тогда ещё заброшенного монастыря святого Макария (*Abuna Matta al-Miskin, 2008. P. 221–226*). Правда, будучи официально запрещённым в священнослужении, он служил литургии и совершал монашеские постриги на основании благословения двух архиереев – бывшего митрополита Минуфии Биньямина и епископа Гирги Мины, считая прещение в отношении себя неканоничным, ибо его дело не рассматривалось церковным судом (*Abuna Matta al-Miskin, 2008. P. 168–169*). Этот период впоследствии не был зачтён ему в качестве лет, проведённых в монашестве, что исключило возможность его выдвижения в качестве кандидата на выборах патриарха в 1971 г. (согласно требованиям, выдвигать можно было только тех, кто провёл в монашестве не менее 15 лет). В период отшельничества в Вади-Райан Матта аль-Мискин посвящает много времени написанию книг, в числе которых цитированный выше труд

«Церковь и государство», отдаливший его не только от патриарха Кирилла VI, но впоследствии и от его преемника Шенуды III. У Кирилла VI были все основания воспринимать труд «Церковь и государство», написанный запрещённым в священнослужении и изверженным из монашества Маттой аль-Мискином, как открытый вызов. Достаточно сказать, что первое издание книги, предупреждавшей об опасности возникновения конфликта церкви и государства в связи с церковной социальной работой (см. выше) вышло в 1963 г., лишь несколько месяцев спустя после создания патриархом поста епископа по социальному служению. Упрёк в адрес тех, кто надеется на заступничество других, более сильных церквей, вполне может рассматриваться как критическое указание на экуменические контакты Коптской церкви, активизировавшиеся при патриархе Кирилле VI и далее при его преемнике Шенуде III.

Неоднозначную реакцию в Коптской церкви вызвали и пневматологические работы Матты аль-Мискина, прежде всего его труд «Аль-‘ансара» («Сошествие Святого Духа»), впервые напечатанный в 1960 г. Почти сразу после этого Иерусалимская митрополия Коптской ортодоксальной церкви направила патриарху Кириллу VI послание с просьбой создать специальную богословскую комиссию для оценки положения учения о Святом Духе в изложении Матты аль-Мискина. В состав комиссии вошли иеромонах Антониус ас-Сурьяни (будущий общий епископ по делам образования, а впоследствии – патриарх Шенуда) и доктор Вахиб Аталла (будущий отец Бахум аль-Мухарраки, а впоследствии – епископ по делам научных исследований Григорий). Несмотря на неоднократные требования патриарха Кирилла VI составить письменное богословское заключение, эксперты, хотя и сошлись во мнении о наличии ошибок в учении Матты аль-Мискина, воздерживались от составления подобного документа. Это публично признал, уже будучи патриархом, Шенуда III, добавив, что направил Матте аль-Мискину тогда личное письмо с указанием на недостатки книги, однако эти замечания так и не были учтены в её последующих переизданиях (*Ar-radd ‘ala afkar al-ab Matta al-Miskin*, 1988). В этот период Матта аль-Мискин был запрещён в священнослужении и извергнут из монашества за отказ возвращаться в свой монастырь, и богословы не хотели дать повод к разговорам о том, что они выступали лично против опального учителя (*Tawfiq*, 2018). Однако впоследствии патриарх Шенуда III и некоторые другие современные коптские теологи неоднократно обвиняли Матту аль-Мискина и его учеников в богословских ошибках. Серьёзной критике подвергалась концепция обожения человека (видение и познание Бога, сопребывание с ним за пределами земных возможностей, достигаемое исполнением заповедей Его и участием в таинствах), которую развивал в своих трудах Матта аль-Мискин. Фактически он стал первым за многие века после святителей Афанасия и Кирилла Александрийских египтянином, заговорившим об этом. Однако патриарх Шенуда воспринял рассуждения Матты аль-Мискина как еретическое нововведение, основывая свою аргументацию на том, что обожение невозможно, так как Бог один. Обожение человека Шенуда III понимает как получение им полноты божественных свойств, в том числе всеведения, вездесущия, способности творить из ничего, вечности и др., фактически приписывая Матте аль-Мискину то, чего он не говорил, и не замечая созвучия его рассуждений святоотеческой традиции и богословским идеям древней Александрийской школы. Именно из превратного понимания обожения, в котором осуществление свойств богоподобия

человека подменяется уравниванием его с Богом, Шенуда III делает вывод о противоречии этой идеи догмату о единстве Бога (*Shenouda, 2007. P. 12*).

«Странно то, что проповедующие обожение человека пытаются приписать эту ересь Святым Отцам. Невозможно, чтобы кто-либо из отцов поддерживал это обожение. Если христианский писатель, кем бы он ни был, утверждает такое, значит, он либо не понял смысл высказывания отца, которому он это приписывает, либо неправильно перевёл с греческого, на знание которого он претендует, либо просто хочет прикрыться авторитетом отцов и приписывает им то, что они не только не говорили, но и не собирались говорить, или он клеветает на отцов, утверждая, что они так считали, или же он забыл, что Священное Писание учит нас, что Бог един и нет других богов, кроме Него, – пишет Шенуда III. – В некоторых странах Запада есть много ересей, и те, кто находится под их влиянием, хотят принести нам эти чуждые нам идеи» (*Shenouda, 2007. P. 12*).

Парадоксально то, что, решительно отвергая термин «обожение», сам Шенуда фактически проповедует ту же идею. Говоря о покаянии, коптский патриарх цитирует евангельский стих: «Кто любит Меня, соблюдёт слово Моё, и Отец Мой возлюбит его, и Мы придём к нему и обитель у него сотворим» (Ин. 14, 23). «Таким образом, Отец и Сын придут и будут жить в твоём сердце, и ты снова станешь храмом Святого Духа, – пишет Шенуда III дальше. – Таким образом твоё сердце станет обителью Святой Троицы. Здесь я умолкаю в трепете и благоговении перед этим святым сердцем» (*Shenouda, 2016. P. 51*). Но человек, согрешив, уже не может быть храмом Святого Духа. Ссылаясь на святителя Афанасия Александрийского, Шенуда III объясняет, что человек утратил божественный образ, забыл, что он – сын Божий, и согрешил (*Shenouda, 2016. P. 48, 51*). «Ибо если бы ты знал, что ты – сын Божий, ты бы не согрешил, ибо сын должен быть как отец» (*Shenouda, 2016. P. 48*). Продолжая этот покаянный плач о человеке, он пишет: «Твоё Отцовство хотя и великая честь для меня, но также и великий упрёк, дающий мне почувствовать великую разницу между тем, что я есть, и тем, чем я должен быть» (*Shenouda, 2016. P. 50*). А быть человеком должен «обителью Бога, храмом Духа Святого», и начало пути к этому – в покаянии, а реальное осуществление – в Таинстве Причащения. «Если одна из церквей разрушена, её можно заново построить, собрав деньги, – пишет Шенуда III. – Но, если личность, подобная тебе, разрушена, её может восстановить лишь Кровь Христа» (*Shenouda, 2016. P. 50*). Без Крови Христа нет спасения (*Shenouda, 2016. P. 50*). А чем, как не стяжанием Духа Святого, является восстановление образа Божия, способности человека стать храмом Духа Святого? Эти слова свидетельствуют о согласии Шенуды III с идеей обожения по духу. Но даже и по букве коптский патриарх её принимает, при этом упорно отвергая лишь сам термин «обожение». Он использует те же слова, из-за которых сам же и обвинил Матту аль-Мискина в нарушении догмата о единстве Бога:

«Ты тот, кто облекся во Христа в Крещении, и живёшь уже не сам, но Христос живёт в тебе (Гал. 2, 20). Ты не только сопричастник Христа, но сопричастник Святого Духа, сопричастник в божественной природе (...). Ты сопричастник Святого Духа не по

сущности, но по действию. Он действует в тебе, с тобой и через тебя ради твоего спасения и спасения других людей, распространяя Царство Божие и созидая Тело Христово. Ты не действуешь в одиночку, иначе ты бы полагался на свои собственные способности. «Аще не Господь созиждет дом, всеу трудишася зиждущие» (Пс. 126, 1).

Святой Дух соучаствует в твоём действии. Он действует не один, но берёт тебя с Собой, чтобы ты мог получить благодать. Итак, ты – сопричастник Святому Духу, сопричастник в божественной природе, в действии» (*Shenouda, 2016. P. 56*). Причём сопричастие Святому Духу в действии невозможно без воли человека (опять же фактически здесь подразумевается именно стяжание Святого Духа): «Святой Дух всегда действует с тобой для блага. Когда ты творишь зло или грех, ты действуешь в одиночку, отказываясь от соработничества со Святым Духом» (*Shenouda, 2016. P. 54*). «Мой брат, что может быть более удивительным, чем сказанное о тебе, что ты – «причастник Божеского естества» (2 Пет. 1, 4). Даже более удивительно, что Господь упрекает нас, говоря: «Аз рех: бози есте, и сынове Вышняго вси» (Пс. 81, 6). Как велико это свидетельство! Разве мы можем грешить после этого? Свойственна ли Богу грешить, потакать грязи и нечистоте?» (*Shenouda, 2016. P. 54–55*). Логическое противоречие между греховностью человека и его способностью быть причастником Божеского естества снимается евангельской фразой: «Невозможное человеку возможно Богу» (Лк. 18, 27). Удивительным остаётся только то, как можно фактически говорить об обожении, но отвергать этот термин и отказывать Матте аль-Мискину в его понимании не в смысле уравнивания человека с Богом. Цитируемые высказывания коптского патриарха не являются плодом более поздних размышлений. В предисловии ко второму изданию его англоязычной книги «Жизнь покаяния и чистоты», из которого мы взяли эти цитаты, переводчик, коптский епископ Мельбурна Суриэл, сообщает, что закончил перевод, ещё будучи мирянином, в 1989 г. (*Suriel, 2016. P. 9*) (то есть именно в то время, когда Шенуда III активно критиковал Матту аль-Мискина за идею обожения).

Критические выпады в адрес Матты аль-Мискина, собранные на коптском сайте Faith Protectors Association (*Mulakhhas akhta al-qummas Matta al-Miskin*), как и возражения против идеи обожения, производят неоднозначное впечатление, зачастую выглядят как придирки к словам, а не претензии по сути. Многие из них подвергают сомнению использованные им сравнения и уподобления, например, чудесного насыщения пятью хлебами с Евхаристией (в толковании Евангелия от Марка), сравнения распятия Господа Иисуса Христа в толковании Евангелия от Луки со «вторым крещением кровью» и утверждения о том, что «Христос был распят дважды» (со «вторым распятием» о. Матта в толковании Евангелия от Марка сравнивает чувство богооставленности, которое испытал Христос на кресте, выразив его словами «Боже Мой, Боже Мой, почему ты меня оставил?» (Мф. 27, 46); патриарх Шенуда III предупреждает, что эти слова не следует понимать как оставление божеством человечества Иисуса Христа, как это можно воспринять из текста Матты аль-Мискина). Часть обвинений являются выводами из нравственного учения Матты аль-Мискина, например заключение о том, что он не приемлет развода даже в случае прелюбодеяния (на основании его слов о том, что «брак после развода является прелюбодеянием», в толковании Евангелия от Марка, а также о том, что Коптская церковь, дозволив

развод по причине прелюбодеяния, слепо последовала апостолу Матфею, «стоявшему на уровне Закона Моисеева», в то время как в Евангелиях от Марка и Луки развод вообще не допускается, согласно Матте аль-Мискину). Есть обвинения, связанные с трактовкой авторства некоторых фрагментов Нового Завета (в частности, утверждение о том, что заключительная часть Евангелия от Марка принадлежит не самому апостолу, а одному из 70 апостолов, восстановившему утраченные ранее главы материалом из других канонических евангелий). В числе ошибок называется утверждение о том, что Иуда причастился на Тайной Вечере (фраза о том, что «Иуда причастился недостойно, и поэтому в него вошёл сатана», в толковании на Евангелие от Марка). Некоторые даже находят повод для обвинения Матты аль-Мискина в несторианстве (фраза из толкования на Евангелие от Иоанна о том, что воплощение Логоса «связало и проявило два бытия – бытие Христа до воплощения в личности Логоса и бытие Логоса во плоти в личности Иисуса Христа», понимается как провозглашение существования личности Бога-Логоса и личности Иисуса Христа).

Вопрос о разногласиях с Маттой аль-Мискином нередко ставился на традиционных встречах патриарха Шенуды III с верующими, видеозаписи некоторых из которых можно найти в сети Интернет в свободном доступе (*Ar-radd 'ala afkar al-ab Matta al-Miskin, 1988; Ma hiya asbab al-khilaf, 1991*). На одной из этих встреч, состоявшейся 23 февраля 1988 г., патриарх подверг критическому анализу некоторые необычные для коптской традиции сопоставления и формулировки в пневматологических работах Матты аль-Мискина «Бараклит» («Утешитель») и «Аль-'ансара» («Сошествие Святого Духа») (*Ar-radd 'ala afkar al-ab Matta al-Miskin, 1988*). В частности, предстоятель Коптской ортодоксальной церкви назвал ошибочным отождествление дара толкования Евангелия святыми отцами по значимости с написанием самих Евангелий евангелистами. В этом контексте Шенуда III вопрошает: «Неужели св. Иоанн Златоуст, занимавшийся толкованием Евангелий, совершил столь же важное дело, что и евангелисты?» Контекст работы Матты аль-Мискина заставляет задуматься, нет ли в критической аргументации предстоятеля Коптской церкви подмены тезиса. Очевидно, что нитрийский отшельник не ставил целью своей работы ранжировать по важности дары Святого Духа, но только перечислял их. А то, что дар толкования писаний, как и их составления, даётся Духом Святым, подтверждено апостолами (2 Пет. 1, 20–21; 1 Кор. 2, 10–11; 1 Кор. 12, 28). Аналогичная подмена тезиса усматривается и в приводимых на той же встрече Шенудой III словах Матты аль-Мискина о том, что действием Святого Духа во время Таинства Венчания супруг воспринимает как достоинства, так и недостатки своей супруги, становясь с ней единым целым (коптский патриарх вопрошает, как можно допустить, чтобы Святой Дух передавал недостатки, тем самым перенося акцент с мысли о теснейшем характере союза супругов, соединённых Святым Духом в Таинстве Брака) (*Ar-radd 'ala afkar al-ab Matta al-Miskin, 1988*).

Сомнительна и обоснованность претензии патриарха Шенуды III Матте аль-Мискину за фразу о том, что таинств в церкви больше, чем традиционно перечисляемые семь. Восточные святые отцы, наследие которых возрождал Матта аль-Мискин, никогда не ставили перед собой задачу установления точного числа таинств. С учётом происхождения учения о семи таинствах из латинской схоластики, можно сказать, что в данном вопросе учитель из монастыря святого Макария был гораздо ближе к святоотеческой традиции.

Столь же сомнительна претензия Шенуды III к Матте аль-Мискину за именование дара языков и служения, полученного апостолами в день Пятидесятницы, вторичным результатом преобразования их человеческой природы после сошествия Святого Духа.

«Это не было результатом некоей силы, неожиданно сошедшей на учеников и воспламенившей их на служение или даровавшей им знание новых языков и смелость действий, как думают некоторые новички. Это было результатом сущностного изменения, затронувшего природу учеников в самой глубине её существования. А способности и внешние изменения, произошедшие с ними в жизни и поведении, были вторичными внешними проявлениями и результатами того, что случилось в человеческой природе, представленной в учениках и апостолах, которых изначально Церковь считала «апостольской Церковью», – писал Матта аль-Мискин (*Matta al-Miskin, 1960. P. 18*). (Патриарх Шенуда III возражает на это, что мнение, приписываемое Маттой аль-Мискином новичкам, на самом деле всегда было мнением Церкви» (*Ar-radd 'ala afkar al-ab Matta al-Miskin, 1988*)).

Необычно для коптского богословия и отождествление Маттой аль-Мискином сошествия Святого Духа на апостолов с соединением божественной и человеческой природы в Иисусе Христе, и особенно именование того, что произошло в день Пятидесятницы, соединением человеческой природы с ипостасью Святого Духа. Здесь Шенуда в качестве доказательства еретичности мнения Матты аль-Мискина приводит пространную цитату из книги «Сошествие Святого Духа»: «Святой Дух не сошёл в виде голубя посреди вод Иордана, чтобы дать силу крещению водой и духом, но сошёл в виде языков, как будто пламенных, и стал на каждом из них. Итак, мы видим «куст огнём горящий», согласно образу, или божественную природу, соединённую с человеческой, согласно толкованию этого образа, или пророчество о рождении Христа от Девы, как передано нам это благородной традицией! Таким образом, сошествие Святого Духа в Пятидесятницу указывает не просто на спонтанную передачу особой духовной силы или даров. Дело тут очень серьёзное. Здесь мы имеем дело с таинственным указанием на произошедшее незримое единение божественной природы и человеческой природы. Чем является божественная природа, как не самим таинственным Телом Христа, которое ранее Христос призывал принимать, есть, соединяться и пребывать в нём. Ученики не могли, были не способны воспринять человеческую природу без Христа. Более того, они не могли воспринять Духа Святого как ипостась иначе, как через соединение с плотью Христа. А божественная Плоть – это единственный путь, который ведёт нас к Богу и низводит Бога к нам» (явное созвучие с известной фразой святителя Афанасия: «Бог стал Человеком, чтобы человек стал богом»). Воплощение Бога достигло своего апогея в день Пятидесятницы, когда все стали во Христе, «полнота Наполняющего все во всем» (Эф. 1, 23) (*Matta al-Miskin, 1960. P. 18–19*). Это сравнение Таинства Причащения с сошествием Святого Духа на апостолов патриарх Шенуда также назвал «ересью» (*Ar-radd 'ala afkar al-ab Matta al-Miskin, 1988*).

Критикует коптский патриарх Матту аль-Мискина за фразу о том, что рождающийся от Духа в Таинстве Крещения человек «состоит из тех же

плоти и костей, из которых состоял Иисус Христос, рождённый от Девы Марии», очевидно воспринимая её чересчур буквально и натуралистично, в ущерб мысли о полноте человеческой природы во Христе и приобретении крещаемым способности к стяжанию Святого Духа (*Ar-radd 'ala afkar al-ab Matta al-Miskin, 1988*). Оригинальная фраза Матты аль-Мискина, изобилующая образными сопоставлениями, звучит следующим образом:

«Мы знаем, что любой рождающийся принимает форму родителя. От кого же мы рождаемся в крещении и какова форма нашего нового человека? Святой Дух – это тот, кто создает храм нашего нового человека. Он создаёт его из таинственного Тела Христа, которое наполняет Небо и землю. Христос вошёл в горницу, двери которой были закрыты; Он вошёл в неё Своим телом, плотью, костями. А когда ученики подумали, что это дух, Он показал им Свою плоть, и они осязали её. Плоть Христа и кости можно видеть и осязать, а можно – не видеть и не осязать. Мы рождаемся от тех же плоти и костей, «мы от плоти и костей Его!» Святой Дух созидает этот новый храм из невидимого тела, а создав, наполняет его, «...вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас» (1 Кор. 3, 16). Святой Дух создаёт наш новый храм не произвольно, но по образу Сына Божьего, не по внешнему виду тела, но по качествам духа во всем, в особенности же – в скромности, чистоте, истине: «облечься в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины (Эф. 4, 22)» (*Matta al-Miskin, 1960. P. 30–31*).

Но не то же ли самое говорит и сам Шенуда: «Ты – член Тела Христова, Его плоть и кости» (*Shenouda, 2016. P. 55*)? Эту фразу он сопровождает разъяснением, с которым согласились бы не только Матта аль-Мискин, но и все христиане: «Церковь – Тело Христа, а Христос – его Глава. Мы, сообщество верующих, – это Церковь» (*Shenouda, 2016. P. 55*).

Удивительно, с какой лёгкостью Шенуда употребляет слово «ересь» в отношении Матты аль-Мискина. Так, «ересью» он назвал слова учителя из монастыря святого Макария об отсутствии различий между епископами и священниками у первых христиан, пусть даже и созвучные распространившимся в XX в. благодаря протестантским ученым представлениям об устройстве ранней церкви. Намёк Шенуды III на протестантское влияние на Матту аль-Мискина виден и в том, что во время служб в монастыре святого Макария, по словам коптского патриарха, опускаются молитвенные прошения о заступничестве Пресвятой Богородицы. Вполне в духе рассуждений Матты аль-Мискина о недопустимости применения церковью силы для защиты вероучения патриарх Шенуда III подчеркнул тогда, что не намерен применять к Матте аль-Мискину дисциплинарных взысканий, однако будет действовать через развитие христианского просвещения (*Ar-radd 'ala afkar al-ab Matta al-Miskin, 1988*).

В видеозаписи от 30 апреля 1991 г. (*Ma hiya asbab al-khilaf, 1991*) патриарх Шенуда III касается дисциплинарного аспекта конфликта с монахами обители святого Макария, находящимися под духовным руководством Матты аль-Мискина. По словам Шенуды, монахи почитают Матту аль-Мискина больше, чем саму церковь и патриарха, и не нуждаются в их признании. Не нуждаются они и материально, так как доходы монастыря позволяют им существовать без материальной поддержки со стороны патриархии. Патриарх

подверг также резкой критике порядка в монастыре святого Макария. По его словам, ему известно, что монастырь покинули 70 человек, многие из которых вернулись в мир. Один из бывших насельников монастыря рассказал, согласно Шенуде III, что монахам приходится работать с шести часов утра до шести вечера и что он лично, будучи мирянином, молился больше, чем когда поступил в монастырь.

Критику трудов Матты аль-Мискина развивал ближайший единомышленник патриарха Шенуды III – недавно скончавшийся митрополит Бишой (Псой) (*Bishoi, Ar-Radd lil-ab Matta al-Miskin*). По мнению ученика Матты аль-Мискина – насельника монастыря святого Макария Василиуса аль-Макари, митрополит Бишой вырывал фразы его учителя из контекста и придавал им искажённое толкование (*Hulsman, 2018*). Эти слова Василиуса аль-Макари вполне применимы к некоторым из приведённых выше примеров критики учения Матты аль-Мискина патриархом Шенудой III.

В 2003 г. патриарх посвятил критике Матты аль-Мискина сразу несколько брошюр из серии «Сравнительное богословие», в рамках которой ранее выходили работы, полемизирующие с католиками и протестантами, тем самым как бы жанрово уравнивая его с еретиками. Примечательно, что, в отличие от упомянутых выше устных лекций, в печатных изданиях Шенуда III ни разу не упоминает Матту аль-Мискина, называя его просто «автор». Патриарх обосновывает это тем, что он выступает не против конкретной личности, но против учения (*Masson, 2005. P. 52*). В 2003–2004 гг. патриарх публикует серию из семи статей, критикующих различные аспекты богословия Матты аль-Мискина. В 2007 г. в том же издании напечатаны ещё семь статей, посвящённых на этот раз конкретно идее обожения человека у Матты аль-Мискина (*Masson, 2007. P. 284–288*).

Как богослов Матта аль-Мискин очевидно более эрудирован, чем Шенуда III. Отшельник из монастыря святого Макария демонстрирует практическое знакомство не только со святоотеческим наследием, но и с западной теологией, современной протестантской и католической библеистикой и исследованиями по церковной истории. В противовес ему патриарх ревностно придерживался консервативных рамок коптской традиции и в этом смысле был ближе к неискушённым в богословии верующим, которых могло смутить необычное сравнение или непривычный образ. Патриарх прямо предупреждает об опасности знакомства с западными книгами, в особенности с протестантской библейской критикой (*Masson, 2005. P. 52*). Шенуда III исходит из благих намерений оградить неискушённых сынов Коптской церкви от лжеучителей, подобно тому как призывал удаляться таковых святитель Игнатий Брянчанинов (*Ignatiy Bryanchaninov, 2006. P. 105–109*). При этом круг лжеучителей в коптском понимании во многом совпадает с лжеучителями в понимании православном, однако нельзя забывать, что Коптская церковь относит к ним и таких православных святых, как Лев Великий и Флавиан Константинопольский, а также игнорирует результаты вселенских соборов, за исключением первых трёх.

Матта аль-Мискин ориентирован на специалистов-теологов, для которых понимание иных теологических традиций необходимо. Знакомство коптской читательской аудитории Матты аль-Мискина со святыми, канонизированными уже после раскола 451 г., без сомнения, принесёт ей огромную пользу, однако безразборчивое чтение, например, протестантской библейской критики и усвоение её выводов, чуждых коптской традиции (во многом согласной с православной), способно повредить неопытным

и неискушенным, о чём, очевидно, и предупреждает, как может, Шенуда III. В служении обоих присутствовал и поиск царства Божия в человеческой душе, и внимание к земным нуждам коптской общины с неизбежным вовлечением в политико-экономические вопросы, хотя имя Матты аль-Мискина больше ассоциируется с размышлением об отношениях человеческой души с Богом, а Шенуды III – с материальным развитием церковной организации. Не ставя целью определить победителя в богословском споре Шенуды III и Матты аль-Мискина, мы можем лишь констатировать, что непривычные для коптской традиции образы и сравнения нитрийского отшельника, отражающие его устремлённость к стяжанию Духа Святого, вполне могли бы сочетаться в рамках единой богословской парадигмы с разумной осторожностью Шенуды III, базирующейся на необходимости покаяния для заражённого грехом человека. Однако патриарх предпочёл противопоставить своё понимание учения Коптской церкви мыслям Матты аль-Мискина, в чём несомненно сыграли свою роль непростые взаимоотношения этих двух деятелей в драматическом контексте новейшей истории Египта. Примечательно, что Матта аль-Мискин никак не реагировал на критику со стороны патриарха (если не считать реакцией отсутствие реакции), что очевидно свидетельствует о его отказе следовать по пути противостояния и противопоставления себя полноте церковного организма.

Bibliography

Abuna Matta al-Miskin: as-sira at-tafsiliya [Our Father Matta al-Miskin: Detailed Biography]. Wadi Natrun: Matba'at deyr al-qaddis amba Maqar, 2008.

Ali S., Badr A.A. Min deyr ila jinayat: tafasyil ihalat Isha'ya wa Filutaus lil-muhakama bi-maqtal Ebifanius [From the Monastery to Criminal Investigations: Details of Committing of Isha'ya and Filutaus for Trial for the Murder of Ebifanius]. Published: 19.08.2018. Available at: <https://www.youm7.com/story/2018/8/19/%D9%85%D9%86-%D8%A7%D9%84%D8%AF%D9%8A%D8%B1-%D8%A5%D9%84%D9%89-%D8%A7%D9%84%D8%AC%D9%86%D8%A7%D9%8A%D8%A7%D8%AA-%D8%AA%D9%81%D8%A7%D8%B5%D9%8A%D9%84-%D8%A5%D8%AD%D8%A7%D9%84%D8%A9-%D8%A3%D8%B4%D8%B9%D9%8A%D8%A7%D8%A1-%D9%88%D9%81%D9%84%D8%AA%D8%A7%D8%A4%D9%88%D8%B3-%D9%84%D9%84%D9%85%D8%AD%D8%A7%D9%83%D9%85%D8%A9-%D8%A8%D9%85%D9%82%D8%AA%D9%84/3918379> (accessed 27.08.2018) (In Arabic).

Ar-radd 'ala afkar al-ab Matta al-Miskin [Response to the thought of Father Matta al-Miskin]. Meeting of Pope Shenuda with believers on 23.02.1988. Available at: <https://youtu.be/V28e-tE9x9Jw> (accessed 27.08.2018) (In Arabic).

Bishoy, Mitropolitan. Ar-Radd lil-ab Matta al-Miskin [Reply to Fr. Matta al-Miskin]. Available at: <https://st-takla.org/books/anba-bishoy/reply-to-fr-matta-el-meskeen/son-ransom.html> (accessed 08.09.2018) (In Arabic)

Epiphanius, Bishop. Al-Mirath al-insaniy war-ruhiy lil-ab Matta al-Miskin [Humanitarian and Spiritual Heritage of Father Matta al-Miskin]. Speech of Bishop Epiphanius, Abbot of St. Maqar Monastery in Wadi Natrun at Matta al-Miskin Symposium in Bose Monastery (Italy), 21–22 May, 2016. Available at: <https://youtu.be/pfINo93khMw> (accessed 24.08.2018) (In Arabic).

Hulsman, Cornelis. The Murder of Bishop Epiphanius Deeply Traumatizes the Coptic Orthodox Church. August 9, 2018. Available at: <https://www.arabwestreport.info/en/murder-bishop-epiphanius-deeply-traumatizes-coptic-orthodox-church> (accessed 01.09.2018).

Ignat'y Bryanchaninov, St. Ob udalenii ot chteniya knig, soderzhaschikh v sebe lzheucheniiye. Polnoe sobranie sochineniy svyatitelya Ignatiya (Bryanchaninova). Tom 1. [On keeping away from reading the books that contain false teaching. The Complete Works of Saint Ignat'y (Bryanchaninov). Vol. 1]. Moscow: Palomnik, 2006.

Khomyakov A.S. Neskolko slov pravoslavnogo khristianina o zapadnykh veroispovedaniyakh po povodu broshyury g-na Loransi. Polnoe sobranie sochineniy Aleksey Stepanovicha Khomyakova. Tom 2. [Some Words of an Orthodox Christian about Western Confessions apropos the Brochure of Mr. Lorancie // The Complete Works of Alexey Stepanovitch Khomyakov. Vol. 2]. Moscow, 1886.

Masson, Jacques. La divinisation de l'homme: les raisons de l'opposition de Chenouda III. Proche-Orient Chrétien. Tome. 57, Fasc. 3–4, 2007.

Masson, Jacques. Théologies comparées: Shenouda III et Matta Al-Miskin. Proche-Orient Chrétien. Tome 55, Fasc. 1–2, 2005.

Matta al-Miskin. Al-Ansara [Pentecost]. Helwan, 1960 (In Arabic).

Matta al-Miskin. Al-Kanisa wad-dawla [The Church and the State]. Wadi Natrun: Matba'at deyr al-qaddis amba Maqar, 2009 (In Arabic).

Ma hiya asbab al-khilaf beyn qadasatak wa ruhban deyr Anba Maqar [What are the reasons for the conflict between Your Holiness and the Monks of Amba Maqar Monastery]? Answer of Pope Shenouda to the question put to him on 30.04.1991. Available at: <https://youtu.be/3lv4f3Wg9Q0> (accessed 27.08.2018) (In Arabic).

Mulakhhhas akhta al-qummas Matta al-Miskin [Summary of the Mistakes of Fr. Matta al-Miskin]. Available at: <http://protectors-faith.com/?p=1857&print=pdf> (accessed 01.09.2018) (In Arabic).

Shenouda III, Pope. The Life of Repentance and Purity. New York: St Vladimir's Seminary Press, 2016.

Shenouda III, Pope. Bidaat ta'lih al-insan [The Herezy of Man's Divinization]. Al-Kiraza, 2007, no. 5–6 (In Arabic).

Suriel, Bishop. Introduction to the Second English Edition. Shenouda III, Pope. The Life of Repentance and Purity. New York: St Vladimir's Seminary Press, 2016.

Shukry, Nader. Six Monks Moved from St Macarius Monastery. Published: 25.08.2018. Available at: <http://en.wataninet.com/coptic-affairs-coptic-affairs/coptic-affairs/six-monks-moved-from-st-macarius-monastery/25203/> (accessed 27.08.2018).

Tawfiq, Muhammed. Al-Ab Matta al-Miskin wal-baba Shinuda: Tamayuzat al-lahut al-mysriy [Father Matta al-Miskin and Pope Shenuda: Eclecticism of Egyptian theology]. Published 07.08.2018. Available at: https://www.ida2at.com/matta-el-meskin-and-pope-shenouda-iii-egyptian-theology/#_ftn2 (accessed 24.08.2018) (In Arabic).

Yuhanna al-Maqari, monk. Widaan anba Abifanius, al-usquf, al-qaddis, al-aalim, ash-shahid [Farewell to Anba Epiphanius, the bishop, saint, scientist, martyr]. Al-Kiraza, 2018, no. 29–30 (In Arabic).

Victor, Michael. Funeral Service for Anba Epiphanius. Published 30.07.2018. Available at: <http://en.wataninet.com/coptic-affairs-coptic-affairs/coptic-affairs/funeral-service-for-anba-epiphanius/24978/> (accessed 01.09.2018).

German L. Krylov

Master of Oriental and African Studies; graduate of SS Cyril and Methodius Theological Institute of Post-Graduate and Doctoral Studies

Address: 4/2, bldg. 1, Pyatnitskaya St., 115035, Moscow, Russian Federation

E-mail: german_krylov@mail.ru

Matta al-Miskin and His Theological Heritage in the Context of the Contemporary History of the Coptic Church

In the context of contemporary Coptic theology, Matta al-Miskin is renowned as an author of an authentic doctrine, who opened to the Coptic reader the saints, canonized after the separation of the Copts from the Universal Church, like Gregory the Great, John of Damascus, Seraphim of Sarov. After centuries of oblivion, he relaunched the idea of man's divinization, pronounced centuries ago by SS Athanasius and Cyril of Alexandria, and was sharply criticized by Pope Shenouda III for this and other related concepts. Ascetic and hermit, Matta al-Miskin played an important role not only in the monastic revival in Nitrian St. Macarius Monastery, but also in its impressive economic development. In 1979-1981 the spiritual writer who called for delimitation between Church and State, found himself in the center of the vicissitudes of Egypt's internal policy, challenged to mediate the unprecedented crisis between President and Patriarch.

The Church leadership, committed to the traditional paradigm formed throughout the centuries of isolation, failed to grasp his new old ideas. Shenouda's critical view of Matta al-Miskin can hardly be explained by mere theological disagreements. Patriarch Tawadros II rehabilitated the heritage of Matta al-Miskin, which was embraced by the curriculum of Coptic seminaries; the relations between the Patriarchy and St. Makarius' Monastery were normalized. The recent shocking murder of its Bishop Epiphanius, a disciple of Matta al-Miskin, who made much to promote his teacher's works, returned to many minds the old disagreements, the pathogenic deflection of which could have possibly led to the crime.

Key words: Matta al-Miskin, Copts, Egypt, church.